

Дж. Р. Р. Толкин Мифопоэя

С предисловием
Кристофера Толкина

Дж. Р. Р. Толкин МИФОПОЭЯ

перевод с английского С. Степанова и М. Семенихиной
подготовка текста и комментарии П. Безрукова

Из предисловия Кристофера Толкина к книге Дж. Р. Р. Толкина «Дерево и Лист»¹

Две работы – «О волшебных сказках» и «Лист кисти Ниггля» – впервые были объединены в составе книги «Дерево и Лист» в 1964 г. В этом новом издании² добавлен третий текст: стихотворение «Мифопоэя», то есть создание мифов, в котором автор Филомиф (любитель мифов) переубеждает Мизомифа (ненавистника мифов). «Мифопоэя», которая публикуется сейчас впервые, тесно связана своими идеями с частью эссе «О волшебных сказках» – настолько тесно, что отец процитировал в эссе четырнадцать строчек из нее (с. 54–55 настоящего издания) [...]

В эссе «О волшебных сказках» отец процитировал «коротенький отрывок из письма, некогда написанного мной человеку, который называл миф и волшебную сказку “ложью”; хотя надо отдать ему должное, он по доброте душевной и в силу непонимания называл сочинительство волшебных сказок “нашёптыванием лжи сквозь Серебро”»³. Процитированный фрагмент начинается так:

«О сэр! Хоть человек и отчуждён,
Не вовсе пал и умалился он».

Среди рукописей «Мифопоэи» нет и следа «стихотворного послания» подобного рода; существует семь вариантов стихотворения, но ни один из них не имеет формы личного обращения; действительно, первые четыре варианта начинаются со слов «Он к дереву», а не «Ты к дереву» (и заглавие самой ранней версии было «Низомиф»⁴, или длинный ответ на краткий вздор). Поскольку слова «Сколь человек отложенным ни был» зависят от предыдущих строк («Сердца людей из лжи не до конца / Внимая Мудрость Мудрого Отца») и так как весь фрагмент с небольшими изменениями восходит к самой ранней версии, то очевидно, что «письмо» – только уловка.

«Человеком, который называл миф и волшебную сказку ложью», был К. С. Льюис. В пятой версии «Мифопоэи» (в которой начальными словами вместо «Он к дереву» стали «Ты к дереву») отец написал «Дж. Р. Р. Т. – для К. С. Л.», а также в шестой, прибавив «Philomythus Misomytho». К окончательному варианту он прибавил два примечания на

¹ Перевод М. Семенихиной по изд.: J.R.R. Tolkien. *Tree and Leaf; including the poem Mythopoeia; The Homecoming of Beorhtnoth*. London, 2001. P. vii-ix. Цитаты из эссе «О волшебных сказках» в переводе С. Лихачевой. – *Прим. ред.*

² Предисловие было написано Кристофером Толкином для второго издания «Дерева и листа», вышедшем в издательстве «Unwin Human» в 1988 г. – *Прим. ред.*

³ Слова «breathing a lie through silver», как и «breathed through silver» в посвящении к «Мифопоэе», по всей видимости, являются аллюзией на строку из стихотворения Р. Браунинга «Ещё одно слово»: *He who blows through bronze may breathe through silver*. Букв. «Тот, кто трубит в бронзу (т.е. играет на флейте), может и дышать сквозь серебро». Иными словами, поэт волен творить как в эпических, так и в лирических жанрах. – *Прим. ред.*

⁴ В оригинале *Nisomythus* – вероятно, от лат. *nitor*, причастие прошедшего времени – *nisus*: опираться, восходить, подниматься, стремиться, перен. – стараться доказать. – *Прим. пер.*

полях⁵, первое из которых (напротив слова «к дереву» в начальной строке) касается «воображаемой мизансцены» стихотворения:

«Деревья выбраны, потому что они одновременно и классифицируемы, и бесчисленно индивидуальны; но так же можно сказать и о других вещах – поэтому я скажу: еще и потому, что я их замечаю чаще, чем большинство других вещей (гораздо чаще, чем людей). В любом случае, воображаемая декорация для этих строк – вечерние роща и аллеи Модлина».

В «Биографии» Дж. Р. Р. Толкина (Allen & Unwin, 1977, с. 146–148) Хамфри Карпентер установил, что это был за случай, который привел к написанию «Мифопоэзии». Вечером 19 сентября 1931 г. К. С. Льюис пригласил моего отца и Хьюго Дайсона отобедать в Модлин-Колледже, и потом они гуляли в окрестностях колледжа и беседовали, как написал тремя днями позже К. С. Льюис своему другу Артуру Гривзу⁶, о «метафоре и мифе – и нас прервал порыв ветра, который так внезапно возник в теплом тихом вечернем воздухе и обрушил на землю так много листьев, что нам показалось, будто пошел дождь. Мы все затаили дыхание, и те двое восприняли экстаз подобного явления почти так же, как воспринял бы и ты».

В следующем письме Гривзу (18 октября 1931 г.)⁷ Льюис изложил идеи, которые были высказаны Дайсоном и отцом относительно «истинного мифа» истории Христа, и в «Биографии», а также более подробно – в «Инклингах» (Allen & Unwin, 1978, с. 42–45), Хамфри Карпентер изображает спор, шедший тем вечером, исходя из писем Льюиса и основного направления доводов в «Мифопоэзии».

Второе примечание на полях окончательного текста тоже удобно привести здесь, хотя оно объяснительное и не касается истории стихотворения. Отсылка здесь к восьмой строке девятого фрагмента («дважды совращённых совращать»): «Дважды совращённых – так как возврат к земному благосостоянию как единственная цель – это один соблазн, но и эта цель достигается неверным путем и извращается».

Одновременно с этими примечаниями отец прибавил в конце рукописи: «Написано в основном в Экзаминейшн-Скулз во время надзора за экзаменующимися».

Текст «Мифопоэзии», напечатанный здесь – точная передача окончательной версии по рукописи. Хотя история текста сложна в деталях, можно сказать, что изменения в стихотворении от варианта к варианту во всех семи случаях касались в основном длины. В более ранних формах оно было намного короче, не хватало фрагмента текста, начинающегося со слов «Блажен» и кончающегося строкой «я золотого не сложу жезла».

КРИСТОФЕР ТОЛКИН

⁵ Эти примечания можно датировать ноябрем 1935 г. или позже, но они были вписаны в текст рукописи после завершения текста стихотворения.

⁶ *Джозеф Артур Гривз* (Joseph Arthur Greeves, 1895–1966), друг детства Льюиса, отношения с которым писатель поддерживал всю жизнь. – *Прим. ред.*

⁷ Эти письма были опубликованы в *They Stand Together: The Letters of C. S. Lewis to Arthur Greeves (1914–1963)*, ed. by Walter Hooper, Collins, 1979 (с. 421, 425–428). Благодарю Хамфри Карпентера за помощь в этом вопросе.

Из писем К. С. Льюиса Артуру Гривзу⁸

22 сентября 1931 г.

Не смог тебе написать в прошлое воскресенье, потому что у меня на выходных был гость – некий Дайсон⁹, преподаватель английского языка в Редингском университете. Я вижу с ним, пожалуй, раза четыре-пять в год и начинаю уже считать его одним из моих друзей второго разряда – то есть не таким, как ты или Барфилд¹⁰, но на одном уровне с Толкином или Макфарлейном¹¹.

Мы заночевали у меня в Колледже¹² – я остался там, чтобы мы могли проговорить до глубокой ночи, что дома нам вряд ли удалось бы. Толкин тоже пришел и не уходил до трех часов ночи; а проведив его через маленький служебный выход к Модлин-бридж¹³, мы с Дайсоном нашли еще много что сказать друг другу, бродя взад-вперед по галерее Нового здания¹⁴, так что спать легли не раньше четырех. Это была действительно памятная беседа. Мы начали (на аллее Аддисона¹⁵ сразу после обеда) с метафоры и мифа – и нас прервал порыв ветра, который так внезапно возник в теплом тихом вечернем воздухе и обрушил на землю столько листьев, что нам показалось, будто пошел дождь. Мы все затаили дыхание, и те двое восприняли экстаз подобного явления почти так же, как воспринял бы и ты. Дальше мы говорили (у меня в комнате) о христианстве – то был хороший, долгий и убеждающий разговор, в ходе которого я многому научился; обсуждали разницу между любовью и дружбой – и под конец вернулись к поэзии и книгам.

1 октября 1931 г.

Вся «добродота» [homeliness] (к.-рая была твоим главным уроком для меня) была введением в христианскую добродетель любви и милости. Мне сейчас иногда удается войти в состояние, в к.-ром я думаю обо всех моих врагах и могу честно сказать, что я нахожу в них всех нечто, достойное любви (даже если это всего лишь чудаковатость); и путь, к.-рым я этого достиг – в основном твоя идея «доброты». С другой

⁸ Перевод М. Семенихиной по изд.: C. S. Lewis. The Letters of C. S. Lewis to Arthur Greeves (1914–1963) / ed. by Walter Hooper. New York, 1986. P. 421, 425, 427–428. – *Прим. ред.*

⁹ *Генри Виктор Дайсон Дайсон* (Henry Victor Dyson Dyson, 1896–1975), британский литературовед, специалист по творчеству У. Шекспира. Преподавал в Редингском университете (Беркшир), затем в Мертон-колледже Оксфордского университета. Член клуба «Инклингов». – *Прим. ред.*

¹⁰ *Оуэн Барфилд* (Owen Barfield, 1898–1997), британский филолог и писатель. Член клуба «Инклингов». Его приёмной дочери, Люси Барфилд, Льюис посвятил свой роман «Лев, колдунья и платяной шкаф». – *Прим. ред.*

¹¹ *Кеннет Брюс Макфарлейн* (Kenneth Bruce McFarlane, 1903–1966), британский историк-медиевист, преподавал в Модлин-колледже Оксфордского университета в 1927–1966 гг. – *Прим. ред.*

¹² Модлин-колледж Оксфордского университета, в котором в 1925–1954 гг. преподавал Льюис. – *Прим. ред.*

¹³ Мост через реку Черуэлл рядом с колледжем. – *Прим. ред.*

¹⁴ В Новом здании Модлин-колледжа, где селились в основном преподаватели, Льюис занимал несколько комнат. – *Прим. ред.*

¹⁵ *Аллея Аддисона* (Addison's Walk) за речкой Черуэлл была любимым местом прогулок преподавателей и студентов колледжа. Названа в честь Джозефа Аддисона (1672–1719), преподававшего некогда в Модлин-колледже. – *Прим. ред.*

стороны, вся «странность» (что было моим уроком тебе) оказалась лишь первым шагом в более глубокие тайны.

Насколько глубокие – я начинаю понимать только сейчас: ибо я только что перешел от веры в Бога к определенной вере в Христа – в христианство. Я попробую объяснить это тебе в другой раз. Этому немало поспособствовал мой долгий ночной разговор с Дайсоном и Толкином

18 октября 1931 г.

Дайсон и Толкин растолковали мне вот что: встретив идею жертвоприношения в языческой легенде, я не возражаю против нее нисколько; опять же, если я встречаю идею бога, приносящего себя самого в жертву себе же (см. цитату напротив титульного листа «Даймера»¹⁶), мне она очень нравится и непостижимым образом трогает; далее, идея умирающего и оживающего бога

(Бальдр, Адонис, Вакх) точно так же трогает меня, если я ее встречаю где-нибудь *за пределами* Евангелий. Причина в том, что в языческих историях я готов ощутить миф как нечто глубокое и заставляющее думать о смыслах, недоступных моему разумению, даже если я и не могу высказать в холодной прозе, «что это значит».

Что же касается истории Христа, то это лишь истинный миф – миф, действующий на нас так же, как и прочие, но с той громадной разницей, что это *происходило на самом деле*; и так его и надо воспринимать, помня, что это миф Бога, в то время как другие – мифы людей, т. е. языческие истории – это Бог, выражающий Себя через разум поэтов, использующих те образы, которые Он в них заложил, в то время как христианство – это Бог, выражающий Себя через то, что мы называем «реальные вещи». Следовательно, это *правда*, но не в смысле того, что это «описание» Бога (чего не вместил бы ни один ограниченный разум), но в смысле того, что это способ, который избирает (или может избрать) Бог, чтобы сделать нас способными Его воспринять¹⁷. «Доктрины», которые мы выводим из истинного мифа, конечно, *менее* истинны: они – перевод на язык наших *идей* и *понятий* того, что Бог уже выразил языком более соответствующим, а именно – через реальное воплощение, распятие и воскресение. Означает ли это веру в христианство? В любом случае, теперь я уверен, что: а) к этой христианской истории следует подходить, в каком-то смысле, так же, как я подхожу к другим мифам; б) она крайне важна и значима. Я также *почти* уверен в том, что она произошла на самом деле.

¹⁶ В эпитафии к поэме Льюиса «Даймер» (1926) сказано: «Nine nights I hung upon the Tree, wounded with the spear as an offering to Odin, myself sacrificed to myself». Эти слова являются прозаическим переводом фрагмента из эддической поэмы «Речи Высокого». В русском переводе А. Корсуна: «Знаю, висел я / в ветвях на ветру / девять долгих ночей, / пронзённый копьем, / посвящённый Одину, / в жертву себе же...» – Прим. ред.

¹⁷ Букв. – «чтобы явиться нашим способностям». – Прим. пер.

Мифопозья¹⁸

Посвящается полагающему, что коль скоро в мифах далеко не все правда, то, стало быть, они не стоят никакого внимания, даже если это «ложь, пропетая серебряною трубой».

Филомиф – Мизомифу

Ты к дереву относишься прохладно:
Ну дерево, растёт себе и ладно!
Ты по земле шагаешь, твёрдо зная,
что под ногами просто твердь земная,
что звёзды суть материи обычной
комки, по траектории цикличной
плывущие, как математик мыслил,
который всё до атома расчислил.

А между тем, как Богом речено,
Чей Промысел постичь нам не дано,
как будто без начала и конца,
как свиток, разворачивается
пред нами Время, – и не внять в миру нам
таинственным его и странным рунам.
И перед нашим изумлённым глазом
бессчётных форм рои проходят разом, –
прекрасные, ужасные фантомы,
что нам по большей части незнакомы,
в которых узнаём мы иногда
знакомое нам: дерево, звезда,
комар, синица, камень, человек...

Задумал Бог и сотворил навек
камнеобразность скал и звёзд астральность,
Теллур земли, дерев арбореальность;
и люди из Господних вышли рук –
гомункулы, что внемлют свет и звук.
Приливы и отливы, ветер в кронах,
медлительность коров, сок трав зелёных,
гром, молния, и птиц стремленье к свету,
и гад ползучих жизнь и смерть – всё это
Всевышнему обязано зачатьем
и Божией отмечено печатью.
При всём при том в мозгу у нас оно
отражено и запечатлено.

Но дерево не «дерево», покуда
никто не увидел его как чудо
и не сумел как «дерево» наречь, –
без тех, кто раскрутил пружину-речь,

¹⁸ Перевод С. Степанова. Впервые опубликован в журнале Толкиновского Общества Санкт-Петербурга «Палантир», № 4 (1997), с. 3-7. – *Прим. ред.*

которая не эхо и не слепок,
что лик Вселенной повторяет слепо,
но радование миру и суждение
и вместе с тем его обожествление,
ответ всех тех, кому достало сил,
кто жизнь и смерть деревьев ощутил,
зверей, и птиц, и звезд, – тех, кто в темнице
засовы тьмы подтачивает, тщится
из опыта предвестие добыть,
песок значений моя, чтоб намыть
крупницы Духа, – тех, кто стал в итоге
могучими и сильными, как боги, –
кто, оглянувшись, увидел огни там
эльфийских кузниц, скованных гранитом,
и увидел на тайном ткацком стане
из тьмы и света сотканые ткани.

Тот звезд не видит, кто не видит в них
живого серебра, что в некий миг,
цветам подобно, вспыхнуло в музыке,
чьё эхо на вселенском древнем лице
поднесь не смолкло. Не было б небес –
лишь вакуум! – когда б мы жили без
того шатра, куда вперьяем взоры
на шитые эльфийские узоры;
негоже землю нам воспринимать
иначе, чем благу Первомать.

Сердца людей из лжи не до конца.
Внимая Мудрость Мудрого Отца,
сколь человек отложенным ни был
днесь от Него, Его он не забыл
и не вполне отпал и извратился.
Быть может, благодати он лишился,
но не утратил прав на царский трон –
и потому хранит поныне он
лохмотья прежней княжеской одежды
как память о былом и знак надежды.
В том царственность, чтобы владеть всем миром
в твореньи и не почитать кумиром
Великий Артефакт. И наконец,
ведь человек, хоть малый, но творец! –
Он призма, в коей белый свет разложен
и многими оттенками умножен
и кося сотни форм порождены,
что жить у нас в мозгу насажены.
Хоть гоблинами с эльфами в миру
мы населяем каждую дыру
и хоть драконье семя сеем мы,
творя богов из света и из тьмы, –
то наше право! – ибо сотворяя,
творим, Первотворенье повторяя.

Конечно, все мечты суть лишь попытки –

и тщетные! – избегнуть страшной пытки
действительности. Что же нам в мечте?
Что эльфы, тролли? Что нам те и те?
Мечта не есть реальность, но не все
мы мучаемся, за мечту воюя
и боль одолевая, ибо мы
сим преодолеваем силы тьмы
и зла, о коем знаем, что оно
в юдоли нашей суще и дано.

Блажен, кто в сердце злу не отвечает,
дрожит, но дверь ему не отпирает
и на переговоры не идёт,
но, сидя в тесной келье, тихо ткёт
узор, злещённый стародавним словом,
которое под древней Тьмы покровом
давало нашим предкам вновь и вновь
покой, надежду, веру и любовь.

Блажен, кто свой ковчег, пусть даже хрупкий,
построил и в убогой сей скорлупке
отправился в неведомый туман
до гавани безвестной в океан.

Блажен, кто песню или миф творит
и в них о небывалом говорит,
кто вовсе не забыл о страхах Ночи,
но ложью не замазывает очи,
достатка не сулит и панацеи
на островах волшебницы Цирцеи
(не то же ль рай машинный обещать,
что дважды совращённых совращать?).

Пусть впереди беда и смерть маячат, –
Они в глухом отчаяньи не плачут,
не клонят головы перед судьбой,
но поднимают песнею на бой,
в день нынешний и скраденный веками
вселяя днесь неведомое пламя.

Хочу и я, как древле менестрель,
петь то, чего не видели досель.
Хочу и я, гонимый в море мифом,
под парусом уйти к далёким рифам,
в безвестный путь, к неведомой земле,
что скрыта за туманами во мгле.

Хочу и я прожить, как тот чудак,
что, золота имея на пятак
(пусть не отмыто золото от скверны
и прежние пути его неверны!),
запрягивать в кулак его не станет,
но профиль короля на нём чеканит
и на знамёнах вышивает лики
и гордый герб незримого владыки.

А ваш прогресс не нужен мне вовеки,
о вы, прямоходящи человеки!
Увольте, я в колонне не ходок
с гориллами прогресса! Весь итог
их шествия победного, ей-ей,
зиянье бездн, коль в милости Своей
Господь предел и срок ему положит.
А нет, – одно и то же он итожит,
переменяя разве что названья,
верша по кругу вечное топтанье.
Я к миру не имею пиетета,
где то всегда есть «то», а это – «это»,
где догма от начала до конца
и места нет для Малого творца.
И пред Железною Коронаю зла
я золотого не сложу жезла!

Наш взгляд в Саду Эдемском, может стать,
от созерцанья Света оторваться
захочет и невольно упадёт
на то, что видеть этот Свет даёт,
и в отраженьи Истины ясней
мы Истину поймём и вместе с Ней
увидим мы свободное творенье,
в конце концов обретшее Спасенье,
которое ни нам, ни Саду зло
с собой в благие кущи не внесло.
Зла не узрим мы, ибо зла истоки
не в Божьей мысли, но в недобром оке.
Зло в выборе недобром и стремленьи,
не в нотах зло, но в безголосом пеньи!
Поскольку жить по кривде невозможно
в Раю, – там сотворённое не ложно,
и не мертвы творящие, но живы,
и арфы золотые не фальшивы
в руках у них, и над челом, легки,
пылают огненные языки, –
они творят, как Дух велит Святой,
и выбор свой вершат пред Полнотой.

